
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 241

СКВОРЦОВ Л.В.* ВИЗАНТИЙСКАЯ СИМФОНИЯ И САМОДЕРЖАВИЕ : ДИАЛЕКТИКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗУМА. ЧАСТЬ 2. DOI: 10.31249/rphil/2021.03.08

Аннотация. Рассматривается влияние Византийской симфонии на государственную политику в России. Отмечается, что взаимодействие патриарха и царя имело своей целью воздействие христианской морали на смягчение силового аспекта политики самодержавия и воздействия царя на поведение своего окружения. Анализируются исторические противоречия этого процесса, выявившиеся в эпоху царствования Ивана Грозного и Петра Великого, и причины отмены патриархата, и последствия сосредоточения государственной и духовной власти в руках самодержца. Рассматриваются факторы, влияющие на реанимацию философии и логики Византийской симфонии в ее трансформированном виде – применительно к современным условиям.

Ключевые слова: Византийская симфония; цивилизация; мораль»; политика в России; патриарх; царь; самодержавие; Иван Грозный; Петр Великий.

SKVORTSOV L.V. Byzantine symphony and autocracy : dialectics of the civilizational mind. Part II.

Annotation. The influence of the Byzantine Symphony on state policy in Russia is considered. It is noted that the interaction of the Patriarch and the Tsar was aimed at influencing Christian morality to mit-

* Скворцов Лев Владимирович – доктор философских наук, руководитель Центра гуманитарных научно-информационных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: skvortsovcgsir@mail.ru

igate the power aspect of the autocracy's policy and the influence of the Tsar on the behavior of his entourage. The author analyzes the historical contradictions of this process that emerged during the reign of Ivan the terrible and Peter the Great, and the reasons for the abolition of the Patriarchate, and the consequences of the concentration of state and spiritual power in the hands of the autocrat. The factors influencing the reanimation of the philosophy and logic of the Byzantine Symphony in its transformed form – in relation to modern conditions—are considered.

Keywords: Byzantine Symphony; civilization; morality; politics in Russia; Patriarch; Tsar; autocracy; Ivan the terrible; Peter the Great.

Для цитирования: Скворцов Л.В. Византийская симфония и самодержавие : диалектика цивилизационного разума. Часть 2 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. – 2021. – № 3. – С. 153–176. DOI: 10.31249/rphil/2021.03.08

ЧАСТЬ II

5. Философское замещение Византийской симфонии

Практическое утверждение гармоничного единства целей верховной власти государства и смысла бытия народа невольно увязывается с воссозданием смысла Византийской симфонии, а значит и возрождения автономии патриарха как условия ее реанимации.

Патриарх учит простого человека, что общий универсальный смысл бытия относится к вечной жизни за пределами земного бытия с его неразрешимыми противоречиями. Отмена патриархата шаг за шагом испаряла воздействие на массовое сознание этого сакрального смысла. Рождение тезиса, согласно которому «Бог умер» стало толчком для падения авторитета церкви и разрушения храмов.

Генеральный секретарь, принимая на себя абсолютную власть и уничтожая сословный строй, опирался на науку, открывая народу конечную цель истории и формируя сознание самопожертвования ради достижения конечной цели построения самого справедливого и самого совершенного общественного порядка. В этом нравственном процессе народ претерпевал духовное самопревращение, реальное осознание того, что человек человеку друг, товарищ и брат, каждый сознательный гражданин, воспринимая ко-

нечную цель истории, видел в ней открытую наукой мистику своей жизни. Так предполагалось. Этот ключевой для всей цивилизационной стратегии тезис должен был восприниматься как безусловная истина, практическая реализация которой требовала от народа преданности великому делу, настойчивости и самоотверженности в следовании пути, ведущего к реализации грандиозной цели истории. Но проблема состояла в том, что безусловная истина генеральной стратегии требовала соответствующего ее сложности уровня государственного руководства, понимания значения теории гуманитарного знания, соответствующего этим требованиям формирования *руководящего состава*, обеспечивающего правильное управление цивилизационным строительством, в соответствии с его *объективными этапами*.

Крушение веры в теорию, начало которому было положено докладом Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, предопределило те идеологические метания, которые завели в тупик цивилизационную стратегию и привели к власти поколение нелибералов, поставивших целью забить последний гвоздь в коммунистический гроб и вернуть страну на рельсы исторического капитализма. Как из рога изобилия посыпались грандиозные обещания. Катастрофический характер политики обнаружился фактически сразу. Общество погрузилось в нравственный хаос. Неолиберальная тусовка пошла по пути личного обогащения и пыталась найти спасательный круг на Западе, под крылом американского гегемона. Более позорного краха грандиозных обещаний было представить невозможно. Концептуального объяснения возникшей ситуации не давалось.

Истина стала звучать в поэтической и музыкальной форме.

Обманутый народ, втянутый в авантюру, стал познавать истину бытия образным, интуитивным путем. «Истина» представляла в вульгарном натуральном виде «как оно есть на самом деле» в лице талантливого исполнителя, который создавал ряд смысловых ассоциаций. Эта «истина» каждому заменяла собой теорию гуманитарного знания. Это было *чувство* обладания *правдой*. Теперь каждый понимает ее как правду *своей* жизни; выдавая ее частный смысл за целое. Знание *своей* правды жизни не совпадает с правдой жизни другого. Это исток хаоса цивилизационного поведения, который находит свое объяснение в различиях исторической истины теорий и религий. Где находится истина, если истина была од-

ной всемирной религией и истина была другой всемирной религией; истина одного толкования конечной цели истории и истина другого ее толкования различны и даже противоположны? Но если человечество в условиях глобализации превращается в *одно*, то как его можно сделать целым, если каждые его части знают разные или противоположные по своему смыслу истины? Как должен действовать государь, который держит в своих руках верховную власть: *кому и какой истине* должна служить его власть? Он имеет легальное право держать в своих руках рычаги верховной власти *потому, что он знает истину*. Значит его индивидуальная истина становится истиной для всех.

Поскольку универсальная истина бытия как исходная истина гуманитарного знания открывается философией, то верховный правитель, обладающий высокой интеллектуальной культурой, становится «философом на троне», продуктом эпохи Просвещения. Философ замещает собой папу римского и патриарха.

Наступает новая духовная эра, шаг за шагом вытесняющая религию из сферы принятия высших государственных решений. В России это была эпоха философского замещения Византийской симфонии. На Западе это была мода на «философа на троне», верховного правителя, знающего верховную истину. Если он не знает *такой* истины, то тогда он не имеет права держать в руках рычаги верховной власти, управляющей поведением людей. При этом имеется в виду, что верховная истина поведения народа является единой и общей, определяющей истину пути, которую выбирает в этой жизни *государь*. Он воспринимается как ответ на мучившие всех моральные вопросы. Истина жизни, которую все чувствуют, но о которой все молчат, поскольку не могут выразить ее рационально. И это понятно, поскольку речь идет о *моральной истине, имеющей универсальный, абсолютный смысл, открывающий путь самосохранения человечества*. Речь идет о моральном противостоянии несправедливости, сервилizmu, катастрофичности глобальной политики. Но как может быть это моральное мироощущение универсальным, охватывающим *всех*? Это кажется нереальным, реальным только в его музыкальном исполнении как реализации истины Духа.

Хаотичное многообразие человечества, очевидная несовместимость политических устремлений заставляет обращать гумани-

тарное знание к эмпирической реальности глобальной жизни, ее антагонистичности, невозможности соединения усилий, направленных на самосохранение цивилизации. Как кажется, реальность жизни восстает против объединения усилий человечества для решения самой фундаментальной его современной проблемы – проблемы самосохранения.

Что могла сказать философия по этому ключевому вопросу?

Вокруг этой проблемы объединяются спекулятивные и практические вопросы разума. Иммануил Кант в свое время объединял эти вопросы в трех выражениях: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» [2, с. 661]. Почему в ответах на эти вопросы может находиться путь к всеобщему спасению? Кант исходил из того, что принципы чистого разума обладают объективной реальностью в его практическом, но особенно в его моральном применении» [2, с. 663]. Мир, сообразный с нравственными законами, – это *моральный мир*. Этот мир только идея, но это действующая на практическую жизнь идея. Свободная воля людей при действии моральных законов обладает полным систематическим единством как с самим собой, так и со свободой всякого другого. Это систематическое единство свободы разумных существ Кант характеризовал как *corpus mysticum* [2, с. 664]. Следовательно, разумные существа ведомые такими принципами, могут быть творцами как своего, так и чужого прочного благополучия [2, с. 665]. Под *corpus mysticum* Кант имел в виду *странность* единства представлений людей, обладающих разным мировоззрением, разным жизненным опытом, разными национальными, этническими и гендерными особенностями.

Эта странность получает свое объяснение, если представить современный мир как своеобразный театр, на котором государственные политики разных стран выступают как актеры, произносящие свои монологи и осуществляющие определенные действия, демонстрирующие свой образ мыслей и чувств.

Человечество в различных регионах и странах, опираясь на средства информации, наблюдает за происходящими в мире событиями и сопереживает им определенным образом. Учитывая ключевое значение для их судьбы высказываний и форм поведения этих государственных акторов и их политических установок, люди

приходят к идентичным выводам и общим оценкам, которые они выносят политикам различных стран.

В театре зрители, несмотря на все их различия и психологические особенности испытывают идентичные переживания от талантливой игры актеров, морально подчеркивая или осуждая их позиции.

Зрители глобальной мировой политической игры также испытывают глубокие переживания и чувства, которые не зависят от позиций официальной пропаганды. Они постигают истину, от которой зависит их жизнь и могут испытывать внутреннее негодование, если глобальная геополитика каких-то государств ведет современный мир к ядерной катастрофе. Эти чувства могут накапливаться, соединяясь в своем понимании истины и своем одобрении или моральном негодовании.

Это массовое соединение различного и переходящего в общие формы переживания и поведения, постижения нравственных универсалий, в возможное глобальное единство человечества и воспринимается как явление мистическое, относящееся к феномену гипотетического эзотеризма. Оно может сыграть ключевую роль в нравственной трансформации человечества.

Кант считал, что такое поведение возможно, если все поступки разумных существ возникают из высшей воли, подчиняющей себе все частные воли... [2, с. 665]. Кант исходил из того, что поскольку в чувственно воспринимаемом мире подобной высшей связи и высшей воли нет, то «мы должны допустить моральный мир как загробный мир» [2, с. 665].

Кант считал, что необходимо представлять мир как возникший из некоторой идеи и соответственно исследование природы становится *физико-теологией*. А физико-теология, так как она начинается с нравственного порядка, оказывается связанной с *трансцендентальной теологией*. Правильность жизни и правильность государственного управления возникают тогда, когда признается священным нравственный закон, которому учит разум и мы служим этому закону лишь тем, что содействуем высшему в мире добру в себе и в других [2, с. 671]. Таким образом торжество добра в себе и в других определяется признанием священного нравственного закона. Он определяет правильность государствен-

ного управления, объединяя население и власть. И это власть разума.

XVIII век – век Просвещения подготовил идею нравственной трансформации человечества, имея в виду, что каждый человек осознает истину собственного нравственного перевоплощения, так что станет носителем в себе высшего добра. Эту нравственную истину сформулировал Кант. Она могла восприниматься как неосуществимая утопия до тех пор, пока Гегель не сформулировал ту сверхъестественную силу, которая без помощи действующих религий управляет миром в соответствии со своими диалектическими законами, ведущими человечество к тому, что в его государственной и духовной деятельности должно произойти слияние всего разумного с действительностью, так что высшее добро как реализация разумной идеи превратится в универсальную реальность бытия человечества. И это была надежда XIX в.

Но влияние философии на власть государства было не только значительным, но и свободным. Оно могло двинуть власть к высшему *добр*у и к высшему *злу*. Публичные обвинения философии в атеизме сменились на противоположные. «Обвинение в атеизме, – писал Гегель, – которое прежде так часто предъявлялось философии, – именно что она слишком *мало* содержит бога, стало редким, но тем распространеннее стало обвинение ее в пантеизме, – именно что она содержит в себе *слишком много* бога» [1, с. 395]. «Слишком много бога» означает обвинение в подчинении сознания высшему авторитету, которое (подчинение) отождествляется с чрезмерным чтением книг.

Первостепенный ум идет другим путем. Все, что он производит есть результат его собственного мышления, который обнаруживается повсюду.

«Чтение именно навязывает уму такие мысли, которые ему, по настроению и направлению данной минуты, также чужды и не сродни, как печать сургучу» [6, с. 175]. «Ученые – это те, которые начитались книг; но мыслители, гении, просветители мира и двигатели человечества – это те, которые читали непосредственно в книге Вселенной» [6, с. 176].

Что же открывает Артур Шопенгауэр в книге Вселенной? Он открывает в этой книге *философскую истину*. «Выражать ее, – пишет Шопенгауэр, – можно различными способами; можно гово-

ритель: мое тело и моя воля – одно и то же; или то, что я, как наглядное представление, называю своим телом, то я, поскольку я сознаю это совершенно особым, ни с чем не сравнимым образом, называю своей волей; или – мое тело – *объективность* моей воли; или независимо от того, что мое тело – мое представление, оно еще только – моя воля, и т.д.» [5, с. 144].

Значит философская истина – это не истина священного нравственного закона, которому учит разум, и не сверхъестественная сила идеи, которая управляет миром, определяя слияние всего разумного с действительностью, превращения высшего добра в универсальную реальность бытия человечества.

Философская истина – это реализация воли субъекта, который ставит себя, свою сущность *выше всех*, наделяет себя такими качествами, которые *«объявляют» основания его претензий на господство над всеми другими людьми и народами*. Реальность, рожденная этой философской истиной, представляет собой развалины прекрасных городов и многие миллионы человеческих жизней. Такова стоимость «поворота» философской мысли. Этот поворот логически и нравственно возможен, если он воспринимается не как *учение*, а как «странная внезапная идея, как игра с одним из возможных образов». Это – идея Фридриха Ницше.

Ницше свидетельствовал о том, что основной концепцией его книги «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» является *«мысль о вечном возвращении»*. Эта высшая формула утверждения была набросана на листке бумаги с подписью: «6000 футов по ту сторону человека и времени» [4, с. 67–68]. В связи с этим Мартин Хайдеггер замечал: «Подобные мысли мы, разумеется, привыкли считать “всего лишь” мыслями – чем-то недействительным и нереальным. На самом же деле мысль о вечном возвращении равного есть потрясение всего бытия» [4, с. 67–68]. «Вечные песочные часы бытия переворачиваются вновь и вновь, и ты вместе с ними – пылинка от пыли!» [4, с. 74]. Это – «ужас». Это – заключение «веселой науки». «Для Ницше, – говорит Хайдеггер, – “веселая наука” не что иное, как имя для “философии” – той философии, в основе которой лежит учение о вечном возвращении равного» [4, с. 76]. Эта мысль легла бы на человека величайшей «тяжестью». Ницше считал, что вечное возвращение равного делает

основной характеристикой сущего *трагическое*. С исторической точки зрения это начало трагической эпохи для Европы [4, с. 83].

Ницше выступил против трактовки Аристотелем трагического как средства, *катарсиса, морального очищения и возвышения*. Трагическое не имеет отношения к моральному. Оно принадлежит *эстетическому*. Ужасное должно быть принято в своей неизменной связи с прекрасным. «Вершины неотделимы от бездн, великое – от ужасного» [4, с. 85–86]. Трагическую позицию Ницше также называл героической. Героическое состоит в том, чтобы одновременно идти навстречу своему высшему страданию и своей высшей надежде [4, с. 86]. Ницше таким образом формировал *учение о последнем человеке*, о становлении Заратустры, который должен учиться, учиться *презирать*, учиться презрению, которое любит сильнее всего, когда сильнее всего презирает.

Эта философия определяет отношение к миру в целом исходя из новых представлений, соответствующих истине, как ее понимал Ницше. Он считал, что мы не знаем истины и поэтому мы *экспериментируем с истиной!* Поскольку это относится к миру в целом, то «возможно, это приведет человечество к гибели [4, с. 96]. Если так понимается истина, относящаяся к миру в его целостности, то можно утешать себя тем, что поскольку время бесконечно как в направлении прошлого, так и будущего, а оно *реально и не является субъективной формой созерцания*, то это значит, что все, что только может существовать, уже должно было когда-то быть, когда-то существовать.

Что же скрывается за такими философскими рассуждениями? Скрывается сущность той истины, которой должен следовать Запад.

Когда задается такая загадка, то затрагивается сама ее суть, перерастая самого вопрошающего. Ответ на эту загадку дается с помощью зверей Заратустры: это орел – символ гордости и змея – символ мудрости. Змея *обвивается кольцами вокруг шеи и орла*, который парит в высоте. Парит над всеми.

Смысл и мощь тяжелейшей мысли теперь должны подняться и выйти на свет. Заратустра издает крик, призывающий явиться бездонную мысль. Орел и змея остаются, чтобы пролить свет на глубинную сущность Заратустры как защитника жизни, защитника страдания и защитника круга. В высочайшее мгновение открыва-

ется единство этих трех ипостасей истины. Заратустра падает замертво. Жизнь вечной власти соединена с вечным страданием.

Через семь дней звери заговаривают с Заратустрой и начинают свой разговор о вечном возвращении, о мысли мыслей. Они догадываются, что Заратустре открылось знание о мире в целом. *Через Заратустру Запад стал обладателем антихристианского знания о мире в целом.* Ницше создал образ орла, вокруг шеи которого расположилась змея: это символ единства гордости и мудрости как свойства сверхчеловека. Именно сверхчеловек способен разрубить серое повторение жизни равенства и приложить путь господству сверхчеловека даже если этот путь будет нести в себе возможность гибели человечества.

Это была перспектива для XX в. Заратустра становится властителем знания, знания *о мире в целом.* Это знание страшной тайны, которая окутывается приятной веселостью и скрывается за бесконечными разговорами.

Это знание представлено в форме образа орла и змеи, объединяющих чувство гордости сверхчеловека и понимание высшей мудрости как специфической хитрости, скрывающей тотальный аморализм, позволяющий считать себя способным перехитрить всех участников глобальной геополитической игры.

Этот духовный комплекс той «истины», которая является идеей начала великой глобальной игры. Она была принята на вооружение политическими радикалами европейского нацизма, развязавшего мировую войну. В этой мировой войне были реализованы предсказания, которые вытекали из ницшеанского толкования «истины». Военный разгром глобальной чумы нацизма не означал и исчезновения тех духовных «истин», которые вызвали к жизни глобальную нацистскую волну.

Вступление человечества в XXI в. связано с обнаружением парадоксальных попыток идейной и практической реабилитации той философской «истины», которая была рождена большим сознанием немецкого философа.

Насколько самосознание современного человечества подготовлено к тому, чтобы воспринять правду философской истины и осознанно встать на путь борьбы за свое самосохранение, решительного отречения от установок орла и змеи Заратустры. Эти установки несут в себе отречение от абсолютного смысла самосохране-

ния человечества как необходимого условия иметь возможность вольно рассуждать о философской истине современного бытия.

В этом вольном рассуждении видится путь Запада к монополюсному обладанию истиной сущности сущего. Монополюсно обладающий истиной сущности сущего обладает интеллектуальным превосходством как условием управления миром.

Это то исходное, которое содержится в ощущении постоянного превосходства, объясняющего уверенность в своей исключительности. Основанием этого ощущения является философское представление о раскрытии абсолютного смысла бытия как реального утверждения своей воли к власти. Константность этой воли возникает на чувстве уверенности ее вечного повторения, воспринимаемого как повторение «Я».

Драматизм современной ситуации состоит в том, что вечное повторение может прерваться в силу реализации самодеструкции человечества. Самодеструкция человечества означает рождение реальности *НИЧТО*. В ситуации ничто испаряется, перестает действовать воля к власти.

6. Византийская симфония: новый смысл

XXI век со всей очевидностью оказался перед проблемой открытия *верховой истины бытия для всех*, для человечества как целого, это проблема самосохранения, избежания глобальной цивилизационной катастрофы. Если знание мира как целого – это условие постижения абсолютного смысла, перед раскрытием которого находится современное человечество, то как быть с абсолютной бессмыслицей возникновения реальной возможности самодеструкции человечества?

Реальность современной ситуации подорвала претензию Запада на гордый полет орла как монополюсное владение истиной бытия. Этот полет чем-то напоминает полет подстреленной утки, которая продолжает свой полет уже будучи обреченной на смертельное падение. Утверждение глобальной власти Запада кажется возможным, если отказаться от трагического полета орла и спуститься на землю, принять образ действия змеи.

Спуститься на землю значит *купить власть*, сделать ставку на тех, кто готов *продать себя*. Именно их нужно сделать «героя-

ми» нашего времени, чтобы за ними пошли массы и они завели ее в стойла неокOLONиальной зависимости.

Запад продолжает настаивать на своей исключительности, на монопольном обладании философской истиной, но в действительности время этого обладания уже миновало.

В мире победу празднует *мещанская философия*. Гении творчества помогают. Отклик как пример силы морального духа, противостоящей разлагающей массовой абсолютизации *денег* как критерия личного достоинства. Правда состоит в том, что ценность личности в реальной жизни определяется величиной его дохода. Если критерий личного достоинства – это абсолютный смысл добываемых денег, то как быть с утверждением абсолютной силы морального духа? Псевдоинтеллектуал может доказывать приоритет силы моральной истины, но следовать в реальной жизни первопричине, т.е. величии денег.

Мы начинаем понимать причины поношения патриотизма, т.е. бескорыстной и безусловной верности своей Родине, попыток реабилитировать генерала Власова. Это происходит потому, что предательство во имя личной материальной выгоды делается специфической «нормой» жизни. Мы задаемся вопросом, как можно дойти до такого состояния? И что будет со страной, если эта установка жизни может стать или уже становится массовой?

В складывающейся глобальной ситуации Запад для удержания доминирующих позиций двинется по пути *сакрализации идеологии и нацизма в измененной его форме*. Для этого в системе всеобщего воспитания будут установлены жесткие идеологические рамки сакрализации понятия *науки*, ради утверждения господства которой человек должен быть готов на все: он должен отождествить свою личную жизнь с господством идеала понятия науки. В системе такого воспитания должен достигаться такой результат, когда *понятие становится дороже жизни*. Такая форма воспитания не нуждается в исходной истине философии; от нее можно отказаться. Вместе с тем она поднимает личность выше абсолютизации власти денег. Она претендует на формирование «высшей» морали, легализующей преступную деятельность во имя утверждения власти идеала науки.

В недалекой перспективе можно ожидать, что усилится рост политического чертополоха, выдающего себя за новую духовную

европейскую зарю. В основе новых всходов расистского чертополоха лежит *духовное зерно*, которое Мартин Хайдеггер определяет как *метафизику*, составляющую сущность философии Ницше. Эта «философия» жива. Она коренится в европейской истории и поэтому она бессмертна: это – идея, а не философия. «То, что мы называем метафизической концепцией, – пишет Мартин Хайдеггер, – принадлежит исключительно европейской истории и самым существенным образом определяет ее... Само прошлое остается непреодолимым, т.е. непонятым в собственной значимости» [4, с. 130].

Необходима расшифровка смысла слова метафизики Ницше. «Сила и могущество этого слова, вся его история оказали существенное влияние на формирование европейского духовного мира, а вместе с ним и всего мира вообще. Слова в истории часто оказываются могущественнее, чем вещи и действия... Наши знания об истории философии скудны и поверхностны, и мы практически не подготовлены к созидательному обсуждению философии» [4, с. 131].

Между тем философия, как отмечает Хайдеггер, спрашивает об *архэ*, что означает находиться в начале, перед всеми, и в смысле «начальствовать», властвовать, господствовать над сущим, над всем, что есть. *Архэ* – это восхождение. Сегодня – это первые мгновения сияния, восхода господства над сущим целого. Восход господства над сущим целого – это должно быть включено в *знание*, в *знание архэ*.

Хайдеггер исходил из того, что метафизика – это название для важнейших вопросов и ответов философии. Важнейшую сферу философии можно определить тогда, когда определен тот *единственный* вопрос, из которого проистекают все другие вопросы. Вместе с этим вопросом раскрывается и *знание*. Поскольку важнейший вопрос европейской философии это вопрос о сущем, а точнее об *архэ* сущего, что означает господство, власть и эта явленность сущего пронизывает каждую вещь [4, с. 144]. Сегодня Запад следует этой метафизике как философской истине, т.е. это *знание* того, что это ответ на вопрос о сущем в его целостности.

Запад знает истину сущего в его целостности и это его идейное и психологическое преимущество. Во всяком случае Запад уверен в том, что *он знает истину сущего* в его целостности.

И Ницше не только следовал этой истине, но и определял структуру истины сущего в его целостности: сущее в целом есть воля к власти и сущее в целом есть вечное возвращение равного; это и устройство, и способ существования сущего в его целостности.

Разве увековечение истины не является целью философии? Перечеканка становящегося в сущее есть высшая воля к власти. В процессе перечеканки прошлое и настоящее превращаются в *проект будущего*. Как же может выглядеть проект будущего, если он должен включать в себя повторение сущности прошлого? Сущность прошлого определяла направленность экспансии: Drang nach Osten.

Вступление в XXI век характеризуется яркими и скрытыми попытками отчеканить на становлении нового бытия признаки бытия глобальной воли-к-власти [4, с. 152] с ангажированной вершиной исключительности. Агрессивность и наглость свидетельствуют о том, что они реанимируют духовную опору античеловеческих преступлений. М. Хайдеггер приводит выдержку из записей. «Резюме», в котором говорится: «Что все возвращается – крайняя степень приближения мира становления к миру бытия: вершина созерцания» [4, с. 153]. Если вершину глобального созерцания будет занимать философия Ницше, то можно ожидать рождения новой «белокурой бестии» или бестии с другим цветом волос. Но вершину созерцания могут занять и другие философы.

Хайдеггер называл имена других философов. Это Аристотель, Парменид, Гераклит. Этот возврат к исходным началам философии означает и ее конец, конец философии Ницше. Ницше называл свою философию «перевернутым платонизмом! Но такое перевертывание, считает Хайдеггер, укрепляет «Метафизическое мышление. Ницше возвращается к началу, и круг замыкается. Поскольку же имеется в виду не изначальное, а уже омертвевшее начало, круг оказывается в ловушке этого ложного застывшего начала» [там же].

Философское мышление Запада опирается на *ощущение присутствия вечной истины*, являющейся стержнем его вечного Духа, истины неизменного возвращения глобальной власти, эмпирическим образом которой был период колониализма. Надежды на то, что «истина» этого периода обречена на вечное повторение, является той сладкой иллюзией, которая заводит Запад в геополити-

тические тупики. Победы оборачиваются поражениями. Выход из этой метафизической ловушки виделся в метафизической концепции amor fati – любовь к необходимости [4, с. 154]. Это тоже странная любовь.

В чем же заключается гносеологическая сущность этих иллюзий? Иллюстрацией их фактической реализации служит поведение Адольфа Гитлера. Действие «истины» воли-к-власти толкает Гитлера к началу мировой войны. Действие «истины» любви к необходимости толкает его к самоубийству.

Поскольку полет орла на Восток завершился потерей крыльев и хвостового оперения, то может быть предложен проект змеи, мирного продвижения на Восток массивов западного населения. Ставка может быть сделана на высокую нравственность, благородство населения России, готовность приходить на помощь и спасать людей, попавших в трудное положение. Разве Россия не принимала в свои объятия немцев, французов, – не создавала для них благоприятные условия жизни и труда. Но то были «нормальные» немцы и французы, готовые к реальному сотрудничеству и не имевшие захватнических планов. И как ведут себя современные западные политики? Как у них обстоит дело с *Совестью* и с *Истиной*? Вот в чем вопрос.

Исторический опыт колониализма, освоения территорий Северной и Южной Америки, сопровождавшийся истреблением местного населения и размещением его в резервациях. Всё это не могло не сказаться на формировании специфической социальной психологии, которая превратилась в почву, на которой произрастала вера завоевателей в свою избранность, в исключительные свойства своей победоносности, своего превосходства над народами мира. Так возникла социальная среда, формирующая вирус обладания верховной истиной, определяющей статус мирового господства.

XX век – это век иллюзий истины. Его наследие передается в XXI век. В складывающейся ситуации Запад воспроизводит технологию оживления духа на основе утверждения иллюзий истины. Сущность иллюзий истины была описана И. Кантом в первом парадоксизме разума, касающемся субстанциональности.

Цивилизационный субъект, как абсолютный субъект всех своих суждений воспринимает себя в качестве *субстанции*, т.е.

всеохватывающей реальности, владеющей универсальной истиной. «Чистые категории (среди них также и категория субстанции), – отмечал И. Кант, – сами по себе не имеют никакого объективного значения, если они не опираются на созерцание, к многообразному содержанию которого они могут быть применены как функции синтетического единства. Без этого условия они суть лишь функции суждения, лишенные содержания» [2, с. 723].

Колониальная система рухнула в XX в. Но сознание о ее былом существовании живет. Это та реальность, которая оказывает свое влияние на стратегию современной геополитики. Через нее цивилизационный субъект может рассматривать себя как «Я». «Во всяком нашем мышлении, – пишет И. Кант, – Я есть субъект, которому мысли присущи только как определения, и это Я не может быть применено как определение какой-либо другой вещи» [там же].

Это значит, что если цивилизационный субъект полагает, что в человеческих отношениях всегда и во всем присутствует отношение *архэ*, т.е. стремление к начальству, *господству*, то это не значит, что это стремление является универсальным свойством космологической реальности. Это – свойство субъекта. Это значит, что глобальная геополитика может руководствоваться ложной исходной идеей. Как оказывается, построение современного мирового порядка упирается в адекватность исходных философских представлений.

С распадом СССР исчезла та цивилизационная реальность, которая несла в себе истину глобального цивилизационного процесса. Это позволило создать условия для оживления новой веры в присутствие вечной истины глобальной власти, позволяющей формировать образец новой системы колониальных отношений, рассматривать территории и ресурсы России, как *свои* ресурсы, использование которых открывает для Запада перспективы свободного развития на столетия вперед. Эта стратегическая установка представлялась отвечающей тем принципам, которые приняли лидеры неолиберализма, встав во главе процесса подчинения жизни и политики России западной геополитической стратегии.

С точки зрения цивилизационной логики международных отношений союз Запада и отечественного неолиберализма возвращал Россию в эпоху Ивана Грозного, когда западные соседи России в сотрудничестве с врагами царской власти готовили интер-

венцию, осуществленную под флагом восстановления на русском троне убиенного царевича Димитрия. В этом контексте возможна ли аналогия воссоздания логики в структуре государственного управления?

Разгром польской интервенции и установление Народным Собором самодержавной власти рода Романовых раскрыли цивилизационное содержание Византийской симфонии, принявшей свою историческую коррекцию, включающую духовную автономию христианской веры в структуру самодержавной власти. Такое включение было не чем иным, как реакцией на западную интервенцию, которая всегда искала пути раскола, установления связей с российской родовой и духовной элитой с целью подчинения ее своей геополитической стратегии. При различном историческом наполнении содержания логика поведения российской элиты сохраняет свою идентичность. Получая в свои руки богатство и цивилизационный статус, элита склоняется к получению независимости от центральной власти, либо к подчинению центральной власти своему определяющему влиянию. При этом народная масса, как правило, оказывалась на стороне центральной власти. В силу этого в современной ситуации антироссийская стратегия Запада направлена на духовное «раскачивание» массы в сторону от центральной власти. Этой задаче подчинены современные формы финансового, организационного и информационного воздействия на массовое сознание.

В этой ситуации существенно возрастает цивилизационная функция православной церкви.

В современной ситуации наблюдается реставрация роли Византийской симфонии в управлении цивилизационной жизнью. Можно даже утверждать, что произошла реставрация действия Византийской симфонии в ее классическом выражении, т.е. сохранения *автономии* патриарха и президента и в то же время их гармоничного взаимодействия. Так формируется исходная истина бытия российской цивилизации. Как отмечалось выше, успех такого поведения отталкивается от философского толкования исходной истины сущности сущего. Власть получает право на владение сходной истиной, а значит и цивилизационную легитимность своей политики. Но эту истину нужно еще определить. Это происхо-

дит в ситуации, когда обнаруживается тот очевидный факт, что *Запад не владеет истиной сущности сущего*.

Разрушение мирового порядка, основанного на международном праве, породило не только глубокую эрозию экономического, государственного порядка, но и потоки массовой миграции, захлестнувшие страны Запада. Эти процессы вызвали необычайное обострение внутренних противоречий в странах Запада, а также противоречий между узкоэгоистической политикой США и интересами стран Западной Европы.

В системе отношений каждый субъект знает свою истину. Если он переходит на позиции истины противостоящего ему субъекта, значит он встает на путь измены самому себе. Это – современная проблема союзников – США и стран Евросоюза. Она возникла в силу дефекта, содержащегося в проекте глобального передела мира. Таким образом современный мир оказался перед дилеммой: либо цивилизационный субъект, зная свою истину, следует ей в отношениях со своим антиподом, знающим *свою* истину, либо он отрекается от самого себя, от своей истины, становится предателем как условием установления смыслового единства. Если он сохраняет свою преданность истине, а значит и самому себе, то он встает на путь перманентной войны со своим идейным антиподом или на путь перманентной революции, т.е. разрушения своего цивилизационного антипода *изнутри*. Возможно ли избежать этого драматического пути? Можно утверждать, что это – проблема Византийской симфонии, но теперь в глобальных масштабах.

Специфика концептуальной логики Византийской симфонии заключалась в том, что она соединяла, казалось бы, несоединимое: любовь отношений как добровольное единство и власть как диктат воли с возможностью применения различных средств в том числе и насилия государственной власти. Механизм такого соединения несоединимого – это *диалог* как сопоставление позиций, позволяющее выбрать *самый рациональный путь решения возникающей проблемы*, избегая при этом цивилизационной самодеструкции.

Как представляется, технология Византийской симфонии – это тот механизм, и та логика, которые могут считаться спасительными для человечества в современной глобальной ситуации. Его

использование, однако, считается невыгодным, если существует вера в возможность найти истину одностороннего решения.

В основании этой веры лежит философское представление, которое было сформулировано и обосновано Иммануилом Кантом, и которое позволяло игнорировать реальность концептуальной позиции своего антипода и верить в то, что собственная геополитическая позиция может быть реализована в ее одностороннем смысле как действительная истина. Рассуждая о паралогизмах, касающихся субстанциальности, трансцендентальной психологии и идеальности Иммануил Кант приходил к парадоксальному выводу, что «мы совершенно теряем путеводную нить причинной связи в действиях, которые должны отсюда проявляться во внутреннем чувстве. Однако нам следует помнить, что тела суть не предметы сами по себе, находящиеся перед нами, а только явления неизвестно какого предмета и что движение есть не действие этой неизвестной причины, а только явление ее влияния на наши чувства; следовательно, тела и движения не находятся вне нас, а суть лишь представления в нас, стало быть, движение материи не происходит в нас представлений, а само есть (стало быть и материя, которая познается через движение) только представление» [2, с. 745].

Это значит, что философия открывала цивилизационному субъекту путь конструирования своего антипода в зависимости от его интересов в изменяющейся в мире геополитической ситуации.

На Западе складывается устойчивая традиция, в соответствии с которой формируется твердое знание истины бытия, носителем которой всегда является западный субъект. Это происходит потому, что цивилизационная реальность не находится вне субъекта, а является тем материалом, который складывается таким образом, что становится желанным представлением об истине бытия цивилизационного субъекта. Поскольку западный цивилизационный субъект всегда знает, что он – носитель истины бытия, то этому знанию соответствует и его претензия на руководство этим миром, то и есть *архэ*, истина которого соответствует сущности сущего. Но это только иллюзорное представление. В этом представлении об истине бытия отсутствует смысл заповеди Иисуса Христа. Нарастание антихристианских тенденций в духовной жизни и геополитических ориентациях Запады – признак нарастающей угрозы. Наиболее рельефное ее проявление – это трагические по-

следствия мировых войн. Путь утверждения господства, путь архэ вместе с ростом технического могущества и отречения от высшего смысла моральных истин означал нарастание реалий апокалипсиса.

Путь Запада – это путь агностика, не знающего Византийской симфонии, ее морального смысла.

Россия шла иным путем – это путь переосмысления Византийской симфонии, власти патриарха и власти самодержца, дуализма церковного и светского права. Византийская симфония несла в себе конечную истину, которая была озвучена Иисусом Христом в его беседах с апостолами перед голгофой.

Приоритет морального смысла цивилизационной жизни становился все более очевидным по мере нарастания технического, разрушительного могущества человека. Человека становится необходимым спасти от угрозы его самосознания.

С другой стороны, происходит изменение смысла государственной власти. Истина ее смысловой сущности стала восприниматься как продукт научного учения, определяющего правильность социальной политики, обеспечивающей победу в мире общества социальной справедливости, правовой и духовной гегемонии, исчезновения сословного деления, утверждения правового равенства и условий свободного всестороннего развития личности.

Утверждение этой цели представлялось как совпадение духовной и государственной воли как истины универсального знания, объединяющего смыслы жизней людей, имеющих различную национальную, этническую, конфессиональную принадлежность. Эта истина бытия могла восприниматься как результат трансформации Византийской симфонии, слияния духовного начала с государственным в едином учении, составные части которого соответствовали и научным разработкам классиков.

Самообман Запада в обладании универсальной истиной бытия со всей очевидностью обнаружился, когда западный гегемон – США и его ведущие сателлиты оказались охваченными *моральным взрывом* восставших против политики подавления народов, против расизма, отрицания универсальных принципов морали, против социальной несправедливости, подавления суверенитета народов, осуществления военной агрессии и оранжевых революций. Истина бытия предстает как она есть в действительности.

Архэ как универсальное господство, приводит к самораспаду союзов, нацеленных на военное уничтожение общего «врага». Когда цель оказывается не только недостижимой, но чреватой собственным поражением, союз обнаруживает глубокие внутренние противоречия. Нет победы – нет смысла.

На пороге третьего тысячелетия гуманитарное знание оказывается на рубеже новой духовности. К ней человечество открылось на основе осмысления опыта XX в.

«Двадцатый век – это историческое время, когда была открыта завеса над глубокой тайной гуманитарного знания. Но вместе с тем XX в. стал временем, когда стали размываться границы отделяющие истину от не-истины.

Смещение истины с не-истиной и оправдание такого смешения включает в себе специфические угрозы. Среди них не последнее место занимает угроза смысловой какофонии» [3, с. 242]. Смысловая какофония порождает духовный кризис общества. «Духовный кризис России как раз и возник из массового восприятия свободы как возможности произвольной реализации субъективной воли...

Лишь выявление общего смысла открывает путь к гармонии общественной жизни, позволяет организовать ее в соответствии с «общими ритмами». Здесь мысль и действия соединяются в единый процесс, исключаяющий то двоемыслие, которое выражает внутренние враждебные отношения между индивидами» [3, с. 259–260].

Очевидно, что в современной ситуации в силу происшедших социально-экономических и политических изменений простое повторение опыта Советского Союза уже невозможно. Но возможность выявления универсальной философской истины, объединяющей людей с их этническими, национальными и иными различиями возможно, если в основание этого универсализма истины бытия будет положена реальная практическая политика гармонизации человеческих отношений, соединения цивилизационной реконструкции производственной и социальной жизни с адаптацией ее к экологической политике, обеспечивающей само-сохранение и природы и человека.

Этот осмысленный философский курс цивилизационной эволюции, затрагивающий все основные аспекты цивилизацион-

ной стратегии жизни, можно определить как **цивилизационный сингармонизм**. Сингармонизм может рассматриваться и как универсальная истина международных отношений.

Сингармонизм сохраняет логическую форму Византийской симфонии, но вместе с тем в смысловом отношении он выходит за ее пределы, следуя смысловому универсализму в основных сферах цивилизационной жизни и технического прогресса.

Сингармонизм открывает перед человечеством позитивную перспективу цивилизационной эволюции, освобождения от угрозы глобальной самодеструкции, мобилизации огромных материальных ресурсов на эффективное решение ключевой глобальной проблемы гармонизации отношений человека и природы.

Переход человечества на этот очевидный путь глобального прогресса возможен при условии нравственной переформатизации, ухода с привычной колеи, ведущей к утопии мирового господства и чреватой превращением в НИЧТО.

В реалиях глобальной ситуации XXI в. традиционные формы государственного управления и глобальной геополитики перестают эффективно работать. Но чтобы уйти с привычной колеи цивилизационной эволюции необходим радикальный сдвиг в формах глобального управления, который возможен при условии нравственной переформатизации человечества. Нравственная переформатизация предполагает формирование адекватных требованиям времени философских исходных принципов самосознания и глобального органа морального управления поведением народов мира.

Этот орган должен иметь мощные средства немедленной эффективной реакции на любые отступления от принятого порядка цивилизационного поведения.

Соединение носителей универсальной философской истины бытия и государственного механизма ее практической реализации в глобальной цивилизационной жизни – это путь, который могут избирать народы мира для обеспечения своего самосохранения.

Его можно рассматривать как финальную точку переформатизации Византийской симфонии, отвечающей глобальным требованиям самосохранения человечества.

Список литературы

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – М. : Мысль, 1977. – Т. 3 : Философия духа. – 471 с.
2. Кант И. Сочинения в 6-и томах. – М. : Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
3. Скворцов Л.В. Гипотетический эзотеризм и гуманитарное самосознание. – М. : ИНИОН РАН, 2003. – 298 с.
4. Хайдеггер М. Лекции о метафизике. – М. : ЯСК, 2010. – 160 с.
5. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. – М. : Эксмо, 2015. – 640 с.
6. Шопенгауэр А. Мысли. – СПб. : Азбука-классика, 2016. – 192 с.

Примечание

¹ Неолиберальные политики встали на путь предательства Советского Союза, отречения от собственной истории, полагая, что тем самым они открывают дорогу миру во всем мире. Но в итоге они разрушили реальные структуры воспитания патриотизма и формирования моральных основ жизни и деятельности человека. Продуктивность этих форм воспитательной деятельности совершенно очевидна. Но она в своих корневых основаниях упирается в универсальную истину сущности сущего. *И это проблема философии.*

В результате неолиберальной примитивизации духовных оснований системы государственного управления жизнью общества философия утратила свое ведущее духовное место, позволявшее определять *универсальные* ориентиры духовных смыслов бытия человека независимо от его национальной, этической, конфессиональной, профессиональной специфики и политических ориентаций.

Огромное духовное влияние Советского Союза в мире во многом определялось его философским основанием, определяемым истиной понимания универсального смысла истории. Другим ключевым аспектом этого философского основания было образование морально-политического единства общества, насчитывающего десятки национальных и этнических образований, реальность религиозных особенностей христианства, мусульманства, буддизма, иудаизма. Эти различия гасились в идейном образовании, составляющем внутреннюю сущность советского человека.

Политика неолиберализма сводилась к третированию духовных оснований и системы воспитания в советском обществе, кото-

рым противопоставлялась полная свобода человека, которому предлагалось руководствоваться *русской идеей*. Когда была предпринята попытка дать содержательное и обоснованное определение русской идее, то в условиях полной свободы предстал такой плюрализм ее определений, что ее истина предстала в своей свободной расшифровке как явление *хаоса*, что было своеобразным отражением социально-политической ситуации России в 90-е годы XX в.